

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 12 (2017)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АНТИКВА
Симферополь
2017

Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 6 от 30.08.2017)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», кандидат политических наук, доцент

Заместитель главного редактора — О. Б. Элькан, кандидат культурологии

Члены редакционной коллегии:

О. А. Грива, доктор философских наук, профессор (Россия)

Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент (Россия)

А. В. Ишин, доктор исторических наук, доцент (Россия)

В. В. Майко, доктор исторических наук (Россия)

А. А. Масленников, доктор исторических наук, профессор (Россия)

А. А. Непомнящий, доктор исторических наук, профессор (Россия)

Н. И. Платонова, доктор исторических наук (Россия)

В. Ф. Санжаровец, старший научный сотрудник ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия)

А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор (Россия)

С. В. Юрченко, доктор политических наук, профессор (Россия)

Ответственный секретарь выпуска — Л. В. Блинова

Редактор — Г. Н. Гржибовская

Таврические студии. — Симферополь : ООО «Антиква», 2017. — № 12. — 194 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2017

© ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», 2017

© ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»

© Оформление. ООО «Антиква», 2017

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБУ РК «ВОСТОЧНО-КРЫМСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

ГБОУ ВО РК «КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ,
ИСКУССТВА И ТУРИЗМА»

ФГБОУ ВО «КЕРЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МОРСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

10–11 августа 2017 г.

г. Керчь

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев

Ритуальные Салтово-Маяцкие комплексы на поселении гора Чиркова 1 (по материалам исследований Таманско-Керченского отряда ИА РАН в 2015 г.)

В статье анализируются культовые комплексы VIII–X веков, раскопанные на поселении Гора Чиркова 1 (Таманский полуостров). Они представлены одиночным захоронением и ритуальными жертвоприношениями людей и животных, совершенных в ямах. Жертвоприношения, видимо, были связаны с земледельческим и скотоводческим культом плодородия. Захоронения на поселениях совершались по причинам культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера.

Ключевые слова: Таманский полуостров, поселение Гора Чиркова-1, погребальные комплексы, ритуальные комплексы, салтово-маяцкое поселение.

Поселение Гора Чиркова 1 находится в юго-западной части Таманского полуострова в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный и 3,2 км к югу от п. Приморский, расположенных на северном берегу Цокурского лимана и южном берегу Таманского залива. Ранее памятник был включен в состав другого более крупного поселения, которому в 1984 г. Я. М. Паромов присвоил название Виноградный 7. На основании данных аэрофотосъемки и границ распространения подъемного материала он установил его площадь в пределах 31 га (1,1×0,4 км) и датировал VI–I вв. до н. э. и X–XIII вв. [13, с. 77, пункт 59]. В 2011 г. по результатам

разведок С. А. Буравлёва (отряд Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Н. И. Сударева) оно было разделено на два памятника. Соответственно, восточной его части площадью 38 га было оставлено прежнее наименование — поселение Виноградный 7, а северо-западную часть площадью 17,72 га (0,60×0,38 км), в пределах которой в 2001–2005 гг. были открыты жилые и хозяйственные комплексы VIII–X вв., исследователь выделил в самостоятельное поселение Гора Чиркова 1. Более подробно история археологического изучения обоих памятников изложена в публикациях Н. И. Сударе-

ва, С. В. Кашаева и А. А. Супренкова [19, с. 471–473; 20, с. 481–484].

В процессе охранных работ, проведенных в 2015 г. Таманско-Керченским отрядом археологической экспедиции ИА РАН под руководством А. А. Супренкова, в северной части поселения был заложен раскоп, площадь которого составила 25 000 кв. м. Мощность исследованных в его пределах культурных напластований варьировалась в пределах 1–2 м. На уровне материкового суглинка и нижнего слоя плотного суглинка серо-коричневого оттенка в западной и центральной части раскопа были исследованы пять грунтовых погребений и 97 различных по форме и размеру ям и котлованов, в размещении которых не прослеживалось четкой и организованной структуры. За исключением четырех погребений эпохи бронзы все остальные объекты относились к «хазарскому» времени и датировались VIII–X вв.

В отличие от участков, исследованных в 2002 и 2004 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов шести наземных построек, ни одного жилого комплекса в этой части поселения обнаружено не было. Иными словами, можно полагать, что в пределы исследованного участка попала его периферийная часть, где размещались разнообразные хозяйственные объекты, большую часть которых можно интерпретировать как ямы и полуземлянки. Некоторые из них на последнем этапе функционирования, судя по характеру заполнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, превратили в обычные свалки бытового мусора и золы. Отдельные ямы и котлованы, в силу необычных находок, атрибутировать гораздо сложнее. Среди таких объектов выделяется яма 21 диаметром 2,0 м, в которой был расчищен развал печи или очага из саманных кирпичей, занимавший более половины ее площади.

Особого внимания заслуживают заброшенные и частично засыпанные хозяйственные ямы, в которых были

совершены ритуальные жертвоприношения людей или животных или их частей. К их числу относится яма 1 с компактным скоплением отдельных костей лошади и яма 59 с захоронением ребенка. Еще одно жертвоприношение, зафиксированное в виде компактного скопления разрозненных костей мужчины, было совершено в яме 62, но она, судя по всему, была вырыта для этой цели специально.

Помимо них к северу от одной из полуземлянок (котлован 73) было обнаружено одиночное грунтовое погребение (6), которое в силу своего расположения, возможно, также имело ритуальный характер.

Яма 1 (рис. 1, 2) обнаружена в западной части раскопа в кв. 1, 5, 6, 12. Пятно ее заполнения зафиксировано на глубине 0,8 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане яма имеет форму, приближенную к овалу, в разрезе, за счет сужающихся к низу бортов, трапециевидную форму. Соответственно, на верхнем прослеженном уровне ее размеры составляют 1,8×2,0 м, а на уровне дна — 1,5×1,4 м. Сохранилась яма на глубину до 0,3 м и заполнена однородным серо-коричневым суглинком, более темного оттенка, чем слой, в который она была впущена.

В северо-восточной ее части на глубине 0,15 м было совершено ритуальное жертвоприношение головы и части туши лошади, расчищенное в виде компактного скопления отдельных костей и челюсти. Помимо них в заполнении ямы найдены 13 стенок причерноморских амфор второй половины VIII — X вв. и столовых красноглиняных сосудов, 5 стенок салтово-маяцких горшков и два бесформенных куска печины.

В кв. 429 в 120 м к северо-востоку от ямы 1 обнаружена яма 59 (рис. 1, 1). Пятно ее заполнения выявлено на глубине 1,3 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. В плане она имеет округлую форму, в разрезе — трапециевидную. Диаметр ямы на верхнем прослеженном уровне — 1,4 м, на уровне дна — 2,2 м. Сохранилась она на

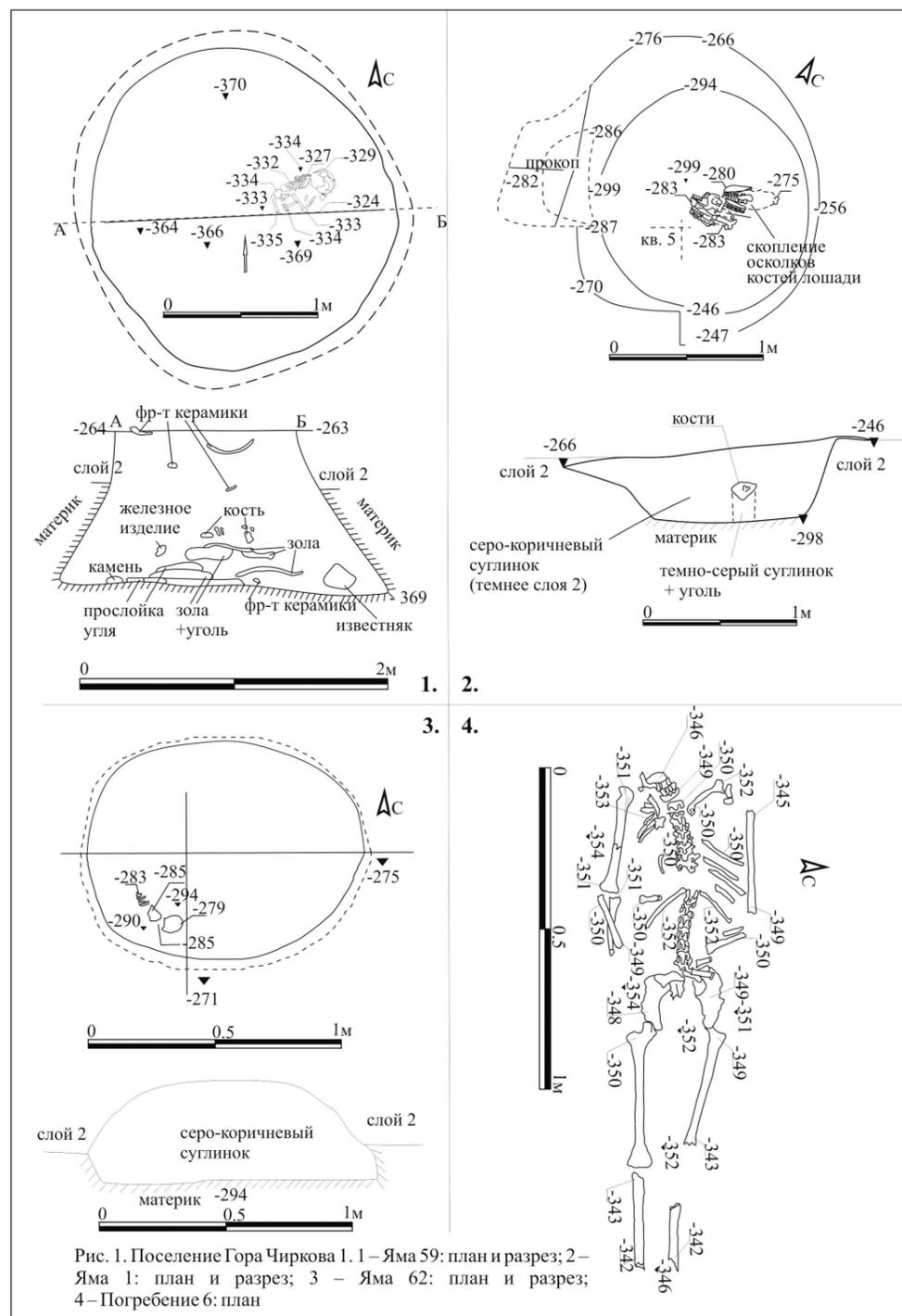

Рис. 1. Чертежи археологических объектов и находок из раскопок автора на указанном поселении в 2015 г.

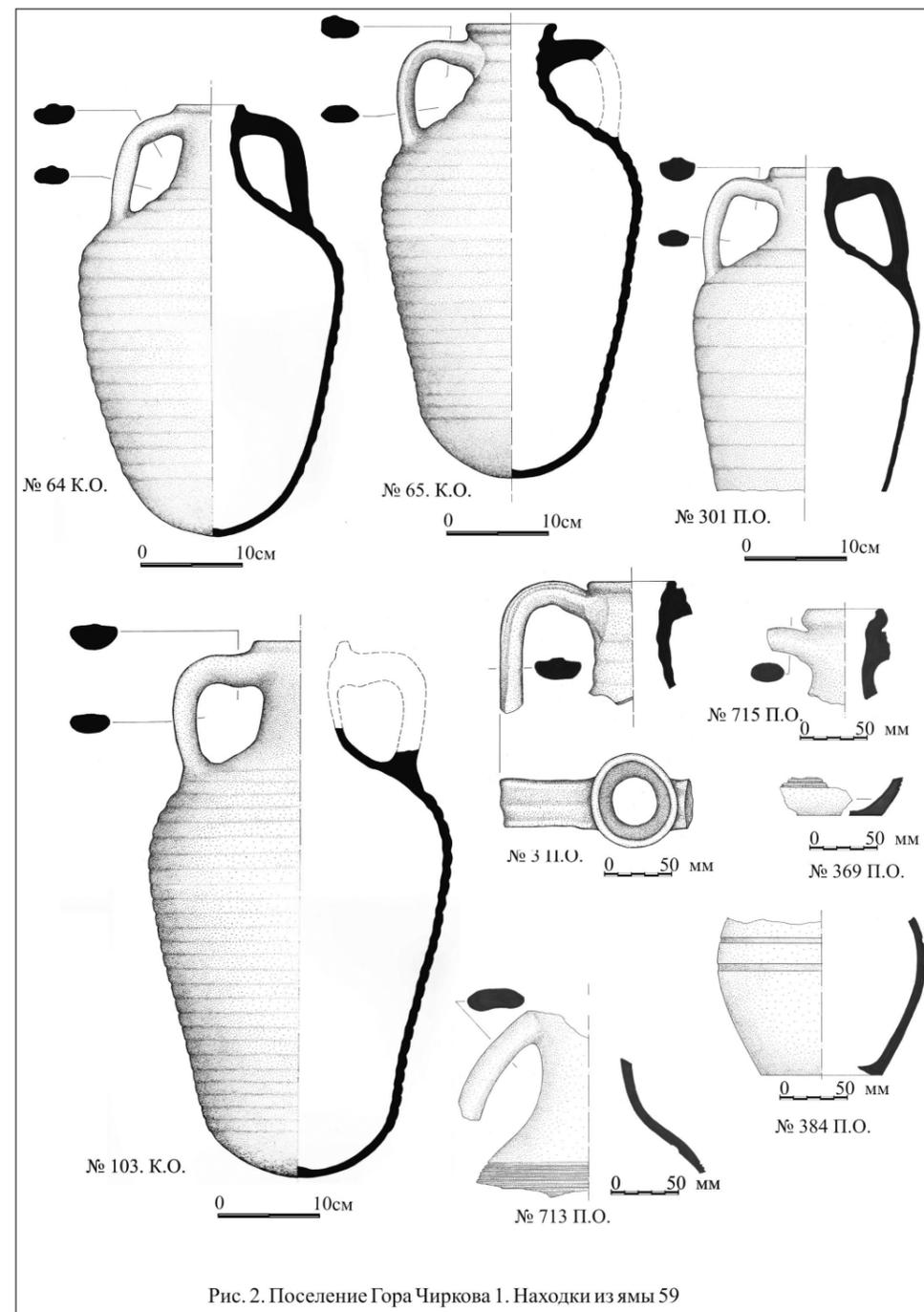

Рис. 2. Чертежи археологических объектов и находок из раскопок автора на указанном поселении в 2015 г.

глубину 1,0 м и заполнена суглинком серо-коричневого оттенка. В нижней части ямы зафиксированы линзы мощностью 0,02–0,08 м, сформированные частицами древесного угля, золистым гумусом и золой.

На глубине 0,61–0,72 м, то есть когда яму уже частично засыпали, в ней было совершено ритуальное погребение ребенка, уложенного на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток. Нижние его конечности согнуты в коленных суставах, правая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кистью под челюстью. Левая верхняя конечность вытянута вдоль туловища. На салтово-маяцких поселениях такие захоронения обнаружены в ямах рядом с жилищами и в производственных комплексах и трактуются, обычно, как ритуальные жертвоприношения [10, с. 277–278, рис. 6; 4, с. 112, 120, 203, рис. 46а; 3, 1991, с. 26–27, 100, рис. 13, 1; 42, 1].

Каких-либо находок при зачистке скелета обнаружено не было. В заполнении ямы найдены четыре фрагментированные причерноморские бороздчатые амфоры (рис. 2, №64 К. О., № 65 К. О. № 103 К. О., № 301 П. О.) [11, с. 43–47, тип II], профильные фрагменты причерноморских амфор (рис. 2, №3 П. О., №715 П. О.), обломок высокогорлого кувшина с плоской ручкой, украшенного в верхней части тулова горизонтальным рифлением (рис. 2, №713 П. О.), профильные фрагменты ойнохой скалистинского типа, оранжевоглиняных столовых сосудов, салтово-маяцких горшков (рис. 2, №369 П. О., №384 П. О.), оранжевоглиняной крышки диаметром 10 см, а также 169 стенок и обломков днищ причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 7 стенок салтово-маяцких сероглиняных лощеных сосудов и 304 стенки салтово-маяцких горшков, значительная часть которых (108 стенок) была орнаментирована горизонтальным рифлением.

Помимо фрагментированной керамики в яме были обнаружены три дис-

ковидных пряслица, изготовленных из камня и хорошо обожженной глины, обломок пирамидального оселка из песчаника, заостренный железный предмет, 31 фрагмент неопределенных коррозированных железных изделий, 14 бесформенных кусков печины и 50 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Благодаря находке фрагмента высокогорлого кувшина с плоской ручкой время совершения ритуального захоронения можно ограничить в пределах второй половины (третьей четверти или конца) IX — первой половины X вв. [11, с. 54–57].

В центральной части раскопа в 17,5 м к северо-западу от ямы 59 была обнаружена **яма 62** (рис. 1, 3). Пятно ее заполнения размерами 0,8×1,1 м выявлено на глубине 1,4 м в материковом плотном желто-коричневом суглинке. В плане она имеет овальную форму, в разрезе — прямоугольную. В отличие от большинства других ям она сохранилась на всю глубину — 0,2 м, а над ее горловиной была прослежена куполообразная насыпь высотой 0,2 м, сформированная серо-коричневым суглинком с включением светло-коричневого суглинка и частиц древесного угля.

На уровне горловины в юго-западной части ямы под тонкой прослойкой золы, древесного угля и крошки печины были зафиксированы остатки ритуального жертвоприношения частей тела мужчины (?), сохранившегося в виде локального скопления диафизов бедренных и берцовых костей, диафизов правой локтевой и лучевой кости, двух ребер и фрагментов черепа. Ниже яму заполнял серо-коричневый суглинок с примесью золы, в котором был найден фрагмент придонной части салтово-маяцкого оранжевоглиняного лощеного сосуда.

Подобного рода комплексы обнаружены на многих памятниках степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры, и, что особенно важно, они встречаются на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова

(Тиритака, Мирмекий, Артезиан, Героевка-2, Эльтиген-Западное, Южно-Чурубашское, Пташкино), географически близких поселению Гора Чиркова 1 [5, с. 103–107; 6, с. 206–216]. Все они, вслед за И. П. Русановой и Б. А. Тимощуком, могут интерпретироваться как «культовые места... устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному поводу и затем оставленные» [18, 2007, с. 25]. Иными словами, обнаруженные на поселении Гора Чиркова 1 ритуальные ямы, после совершения в них жертвоприношения сразу же засыпались. При этом напомним, что в двух из них были принесены в жертву ребенок и мужчина. В третьей яме ритуальное действие обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству были принесены голова и часть туши лошади. Особо отметим захоронение ребенка (яма 59), ритуалы, с которыми считались наиболее действенными и благоприятными, а поэтому практиковались с глубокой древности многими народами. В некоторых случаях (яма 62) считалось вполне достаточным принести в жертву отдельные части тела человека. При этом большое значение придавалось черепу (голове), культ которого, как полноценного заместителя существа и средоточия жизни, был широко распространен среди салтово-маяцкого населения [1, с. 67]. Далеко не последнее место в «кровавых» ритуалах салтово-маяцкого населения занимали лошади (яма 1), которые, как и у многих других земледельческих народов, связывались с солярным и хтоническим культами. На салтово-маяцких поселениях их хоронили в ямах и домах, причем, как считала С. А. Плетнева, в том числе и в качестве «закладных» жертв и оберегов [3, 1991, с. 104; 4, с. 112–114; 15, с. 67; 8, с. 15].

К сожалению, редко когда удается установить, были ли жертвы умерщвлены насильственно во время обряда (иногда с последующим расчленением) или их смерть наступила до его совершения, в том числе и по естественным

причинам. Вероятнее всего, в зависимости от обстоятельств практиковались оба варианта. Иными словами, ритуальные манипуляции проводились над трупами и живыми людьми и животными, при этом воспринимались они как жертва, способная побудить внимание богов, или умиловительная и благодарственная жертва. Возможно, также они выступали в роли посредника, посланника, сопровождающего или транспортного средства (в случае ритуального захоронения лошади) в потусторонний мир [2, с. 12].

Однако для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры практически не отражены в письменных источниках. Тем не менее, учитывая какую роль в их жизни играло земледелие и животноводство, вполне логично предположить, что большая часть из них была призвана исполнить некие связующие функции между человеческим коллективом и окружающим его миром (природой) и, соответственно, в первую очередь была связана с земледельческими и животноводческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселений не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

Помимо захоронений людей и животных, совершенных в заброшенных хозяйственных ямах, к числу ритуальных комплексов, видимо, относится и **погребение 6** (рис. 1, 4), выявленное в 37 м к ССВ от ямы 62 и в 1,7 м к северу от хозяйственной полуземлянки 73. Пятно его заполнения, прямоугольной в плане формы и размерами 0,6×1,9 м, прослежено на глубине 0,4 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Глубину могильной ямы установить не удалось. Погребенный в ней мужчина был уложен в вытянутом положении на спине головой на запад. Его верхние конечности немного согнуты в локтевых суставах, кисти располагались над тазовыми костями. Кости ниж-

них конечностей немного сведены по направлению к ступням. К сожалению, захоронение оказалось безинвентарным, поэтому датировано оно было на основании стратиграфических данных.

Подобные одиночные захоронения, которые по каким-то причинам были совершены не на территории могильника, а среди жилых или хозяйственных построек, обнаружены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова — Артезиан, Осовины-I и Героевка-6 [7, с. 44–50]. Такие же погребения зафиксированы на многих памятниках основного ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе Недвиговском, Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселениях в окрестностях с. Жовтневое и ст. Богоявленской, Мохнач-II и Нетайловка-2. Их совершали в жилых и хозяйственных сооружениях, в производственных помещениях (в том числе гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с постройками. При этом они отличались не только местом совершения захоронения, но и конструкцией погребальных сооружений, позой и ориентировкой погребенных и степенью сохранности их скелета. Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяснять влиянием различных факторов, в том числе этнической и семейной принадлежностью, половозрастной градацией погребенных, их социальным статусом, и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения. Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах и на территории

поселений были связаны с традициями, сложившимися в рамках сложной системы идеологических представлений того времени. В основной своей массе они, видимо, имели ритуальный характер и совершались в силу различных, иногда тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [14, с. 67; Плетнева, 17, с. 106]. Но каких именно, этот вопрос наверняка будет постоянно оставаться предметом острых дискуссий. При этом нельзя исключать неизвестные нам мотивации и факторы, к тому же, как справедливо заметила С. А. Плетнева, «причины изолированности» этих необычных погребений следует искать применительно к каждому из них отдельно [16, с. 10]. Общим же, у них, как нам кажется, может быть только одно, погребенный на поселении, и, тем более, в жилище, человек наделялся после смерти, или был наделен еще при жизни, каким-то особым статусом или положительными, с точки зрения соплеменников, сакральными силами и общественными качествами. Именно такой человек, будь-то ребенок или мужчина и женщина любой возрастной группы, «удостаивался чести» быть погребенным среди «живых». После смерти, исполняя «последнее обязательство» перед общиной, он должен был обеспечить ее защиту от негативного воздействия потусторонних сил или послужить неким передаточным звеном между божествами и миром «живых». В целом же эта научная тема находится еще «на стадии накопления материала и индивидуального анализа», а поэтому, глубоко и всесторонне не разрабатывалась [9, с. 269; 10, с. 111]. Таким же образом можно охарактеризовать и состояние изучения салтово-маяцких культовых и ритуальных комплексов.

Список сокращений

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры

1. Аксенов В. С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблемы истории та археології України. Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції: до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 р. Харків, 2003. С. 64–67.

2. Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / 'ЕРМНЕГ'А 2/. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 11–22.

3. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1991. 192 с.

4. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.

5. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.) // Хазарский альманах. М., 2016а. Т. 14. С. 82–124.

6. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2016б. № 1 (51). С. 186–232.

7. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // Таврические студии. Симферополь, 2016в. № 10. С. 44–50.

8. Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцкая археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011. Вип. 1. С. 14–20.

9. Колода В. В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 261–272.

10. Колода В. В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11. С. 106–115.

10. Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С. 267–278.

11. Науменко В. Е. Амфоры // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь; Керчь, 2009а. С. 35–50.

12. Науменко В. Е. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь; Керчь, 2009б. С. 50–57.

13. Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72–78.

14. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

15. Плетнева С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. М., 2004. № 9 (1069). С. 64–68.

16. Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006. 242 с.

17. Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1990. С. 92–139.

18. Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007. 304 с.

19. Сударев Н. И., Кашаев С. В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 471–480.

20. Супренков А. А. Поселение Гора Чиркова 1 — история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 481–485.

Les auteurs de cet article y ont analysé les complexes rituels des siècles VII-X, fouillés sur le site Gora Chirkova 1 (Péninsule Taman). Ils sont représentés par une tombe et les sacrifices des gens et des animaux dans les fosses. Ces sacrifices ont été probablement liés avec le culte agricole et d'élevage de fertilité. Les tombes sur ce site ont été organisés suivant les raisons culturelles, religieuses, politiques, sociales et publiques.

Mots-clé. Péninsule Taman, site Gora Chirkova 1, complexes funéraires, site de la culture saltovo-mayatskaya.

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 12 (2017)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашонок*

Подписано в печать ...10.2017
Формат 189×283, Усл. печ. л. 22,55
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908